

С того самого года жители деревни затосковали по внешнему миру. Прошли годы, и те, кто уехал из этих гор, словно золотые фениксы, расправили крылья и не желали больше возвращаться в бедные родные места. Многие мечтали о шумных городах, которых не было в их краях. Когда староста умирал, деревня уже опустела: молодые мужчины уехали на заработки, девушки вышли замуж в другие места, остались лишь старики, женщины да дети. Умирая, староста тяжело вздыхал и лил слёзы, размышляя, не он ли погубил будущее всего села.

Но его предсмертные слова уже никто не слушал.

Тётушка Чжан была одной из тех самых девушек.

В молодости она была писаной красавицей. Хотя и смуглой, но статной, с той самой деревенской живостью и простодушием, да и работающей была — не зря деревенские парни заглядывались.

Но она больше других тосковала по городу и по тому учтивому, мягко говорящему интеллигенту. Она слушала его изящную речь, смотрела, как он снимает с руки часы и дарит ей как залог любви, вдыхала тонкий запах его крема для кожи и безоглядно влюблялась.

Учитель говорил, что женится на ней.

Учитель говорил, что ему нужно сначала вернуться в город — там много недоделанных дел. Откликаясь на призыв Председателя, они должны были нести революционный огонь в каждый уголок страны, в каждую горную расщелину.

Учитель говорил, что он её не бросит.

Тётушка Чжан поверила ему на слово. Наивно проводила его до городка, всю дорогу роняя слёзы — от тревоги и от тоски.

Но когда тётушка Чжан доносила и родила, учитель так и не появился. Она наотрез отказалась избавиться от ребёнка, свято веря, что он вернётся.

Она назвала дочь Юй Минмин. Фамилия учителя была Юй, но она, неграмотная, не знала, как пишется тот иероглиф, поэтому выбрала самый простой, созвучный.

Учитель не вернулся.

Тётушка Чжан выслушала все оскорбления родни и сплетни всей деревни, пока наконец и сама не поверила, что он не вернётся. Она убедила себя, что он, наверное, погиб, выполняя революционную работу.

Тётушка Чжан с шести-семилетней Юй Минмин вышла замуж за местного вдовца. Мужчина был никчёмный: ни работы толковой, ни хозяйства, пил, задиристый был, а тётушку Чжан с дочкой и вовсе бил и попрекал, вечно пьяным голосом обзывая «шлюхой».

Тётушка Чжан сначала терпела, работала не покладая рук, и жизнь как-то шла. Деревенские пересуды не давали ей поднять голову, но жить можно было. Однако через несколько лет, когда Юй Минмин немного подросла, тётушка Чжан нечаянно застала вдовца за непристойными ласками с девочкой. Юй Минмин, выросшая под аккомпанемент дразнилок «выблюдок» и чужих косых взглядов, была не в себе. Увидев это, тётушка Чжан в приступе ярости набросилась на вдовца. Тот схватил метлу и избил её до полусмерти, а соседи могли лишь смотреть с жалостью.

Родни у тётушки Чжан не было, идти было некуда. Пришлось оставаться и тянуть ляжку, терпя унижения. Избитая и измученная, она в отчаянии решилась на крайнее. Дождавшись, когда никто не видит, она ночью хитростью заманила пьяного вдовца в лес.

Тётушка Чжан знала: кто войдёт в Призрачный лес — тот не выйдет. Лес тот был ненасытный, не оставлял от людей и косточки.

И вдовец исчез.

Тётушка Чжан весь день ходила по деревне, делая вид, что ничего не случилось, но тут соседка прибежала к ней с вестями. Та сказала, что Юй Минмин ушла в Призрачный лес. Кто-то видел, пытался остановить, но девочка, словно бесёнок, вырывалась и бормотала, что пойдёт искать отца, что она теперь не «безотцовая», и не может остаться без папки.

И Юй Минмин скрылась в чаще, как и её так называемый «отец», — больше её не видели.

Услышав это, тётушка Чжан почувствовала странное оцепенение, будто камень наконец свалился с души. Всё казалось нереальным, как во сне, и горя она в тот миг не ощутила.

Но сегодня эта давно похороненная, оцепеневшая печаль вдруг хлынула наружу.

Кто вошёл в Призрачный лес — тот не возвращается. Так почему же эти две женщины, Цзян Чжунсюэ и Цинь Чаншэн, раз за разом выходят оттуда без тени волнения на лицах?

Если они и вправду бывали в том лесу...

Видели ли они Юй Минмин?

Цинь Чаншэн чувствовала, что ещё никогда её появление не привлекало столько внимания.

Цзян Чжунсюэ шла впереди, спина прямая, на одежде лишь несколько слабых пятен крови. Её силуэт напоминал несгибаемый стебель бамбука. Цинь Чаншэн же, напротив, плелась позади, припадая на ногу, вся перемазанная, с лицом, покрытым запёкшейся кровью и пылью.

Вид у неё был что ни на есть жалкий.

Снаружи стоял гвалт, голоса сливались в гул, кто-то скомандовал: «Сама видела, девчонка в тот лес подалась! Пропала, не иначе! Давайте назад!»

Какая-то женщина подхватила: «И то верно! Кто в тот лес зайдёт — назад не воротится! Муж тётушки Чжан туда ушёл, дочь туда ушла — сколько лет прошло, а их ни слуху ни духу!»

Сама тётушка Чжан стояла в стороне, взгляд пустой. Другие женщины смотрели на неё с жалостью и со страхом, перешёптывались поодаль: «И впрямь, крепкая у тётки жилушка! Мужа в лесу сгубила, дочь в лесу сгубила, теперь вот и жильцы постоянные туда же! Одного за другим на тот свет провожает!»

Снаружи полыхали факелы, лаяли собаки, голоса не стихали. Пока все судили да рядили, внезапно раздался хриплый мужской окрик: «Живого или мёртвого — но мы её найдём! Кто хочет — валите, а мы, братва, здесь останемся. Не выйдет она — не поверю!»

Эти слова повисли в тишине. Местные перешёптывались, и через мгновение раздался осторожный голос: «Бросьте, браток, вы, видать, не местные, раз не слышали про тот лес. Власть, бывало, чтоб с суевериями бороться, народ посылала лес тот вырубать. А тот народ —

как сквозь землю провалился. Власть не поверила, велела лес спалить. И что вышло? Горит огонь, ползёт, а дойдёт до определённого места — сам собой тухнет! И стоит лес с тех пор невредимый. Огонь не берёт — вот какие дела! После того власть сюда и носа не кажет. Послушайте, браток, не выйдет девчонка!»

Хриплый голос больше не отзывался.

Снаружи продолжался шум. Цинь Чаншэн шла за Цзян Чжунсюэ, направляясь на свет факелов и голоса.

Гвалт не утихал, факелы трещали, как вдруг тот хриплый голос взревел, и его слова разрезал резкий выстрел: «Да пошли вы все! Там мой брат! Жива та девчонка или нет — мне плевать! Но мой человек там! Пока он не выйдет — я никуда не двинусь!»

<http://bllate.org/book/16269/1464221>